

ЮГО-ЗАПАД

I

ПТИЦЕЛОВ

Трудно дело птицелова:
Заучи повадки птичьи,
Помни время перелетов,
Разным посвистом свисти.

Но, шатаясь по дорогам,
Под заборами ночуя,
Дидель весел, Дидель может
Песни петь и птиц ловить.

В бузине, сырой и круглой,
Соловей ударил дудкой,
На сосне звенят синицы,
На березе зяблик бьет.

И вытаскивает Дидель
Из котомки заповедной
Три манка — и каждой птице
Посвящает он манок.

Дунет он в манок бузинный,
И звенит манок бузинный, —
Из бузинного прикрытья
Отвечает соловей.

Дунет он в манок сосновый,
И свистит манок сосновый,—
На сосне в ответ синицы
Рассыпают бубенцы.

И вытаскивает Дидель
Из котомки заповедной
Самый легкий, самый звонкий
Свой березовый манок.

Он лады проверит нежно,
Щель певучую продует,—
Громким голосом береза
Под дыханьем запоет.

И, заслышав этот голос,
Голос дерева и птицы,
На березе придорожной
Зяблик загремит в ответ.

За проселочной дорогой,
Где затих тележный грохот,
Над прудом, покрытым ряской,
Дидель сети разложил.

И пред ним, зеленый снизу,
Голубой и синий сверху,
Мир встает огромной птицей,
Свищет, щелкает, звенит.

Так идет веселый Дидель
С палкой, птицей и котомкой

Через Гарц, поросший лесом,
Вдоль по рейнским берегам.

По Тюрингии дубовой,
По Саксонии сосновой,
По Вестфалии бузинной,
По Баварии хмельной.

Марта, Марта, надо ль плакать,
Если Дидель ходит в поле,
Если Дидель свищет птицам
И смеется невзначай?

1918, 1926

ТИЛЬ УЛЕНШПИГЕЛЬ

Весенним утром кухонные двери
Раскрыты настежь, и тяжелый чад
Плывет из них. А в кухне толкотня:
Разгоряченный повар отирает
Дырявым фартуком свое лицо,
Заглядывает в чашки и кастрюли,
Приподымая медные покрышки,
Зевает и подбрасывает уголь
В горячую и без того плиту.
А поваренок в колпаке бумажном,
Еще неловкий в трудном ремесле,
По лестнице карабкается к полкам,
Толчет в ступе корицу и мускат,
Неопытными путает руками
Коренья в банках, кашляет от чада,
Вползающего в ноздри и глаза
Слезящего...
А день весенний ясен,
Свист ласточек сливается с ворчаньем
Кастрюль и чашек на плите; мурлычет,
Облизываясь, кошка, осторожно
Под стульями подкрадываясь к месту,
Где незамеченным лежит кусок
Говядины, покрытый легким жиром.

О царство кухни! Кто не восхвалял
Твой синий чад над жарящимся мясом,
Твой легкий пар над супом золотым?
Петух, которого, быть может, завтра
Зарежет повар, распевает хрипло
Веселый гимн прекрасному искусству,
Труднейшему и благодатному...
Я в этот день по улице иду,
На крыши глядя и стихи читая, —
В глазах рябит от солнца, и кружится
Беспутная, хмельная голова.
И, синий чад вдыхая, вспоминаю
О том бродяге, что, как я, быть может,
По улицам Антверпена бродил...
Умевший всё и ничего не знавший,
Без шпаги — рыцарь, пахарь — без сохи,
Быть может, он, как я, вдыхал умильно
Веселый чад, плывущий из корчмы;
Быть может, и его, как и меня,
Дразнил копченый окорок — и жадно
Густую он проглатывал слону.
А день весенний сладок был и ясен,
И ветер материнскою ладонью
Растрапанные кудри развевал.
И, прислонясь к дверному косяку,
Веселый странник, он, как я, быть может,
Невнятно напевая, сочинял
Слова еще не выдуманной песни...
Что из того? Пускай моим уделом
Бродяжничество будет и беспутство.
Пускай голодным я стою у кухонь,
Вдыхая запах пиршества чужого,

Пускай истреплется моя одежда,
И сапоги о камни разобьются,
И песни разучусь я сочинять...
Что из того? Мне хочется иного...
Пусть, как и тот бродяга, я пройду
По всей стране, и пусть у двери каждой
Я жаворонком засвищу и тотчас
В ответ услышу песню петуха!..
Певец без лютни, воин без оружья,
Я встречу дни, как чаши, до краев
Наполненные молоком и медом.
Когда ж усталость овладеет мной
И я засну крепчайшим смертным сном, —
Пусть на могильном камне нарисуют
Мой герб: тяжелый ясеневый посох —
Над птицей и широкополой шляпой.
И пусть напишут: «Здесь лежит спокойно
Веселый странник, плакать не умевший.
Прохожий! Если дороги тебе
Природа, ветер, песни и свобода,
Скажи ему: „Спокойно спи, товарищ,
Довольно пел ты, высаться пора!“»

1918, 1926

НОЧЬ

Уже окончился день — и ночь
Надвигается из-за крыш...
Сапожник откладывает башмак,
Вкотив последний гвоздь;
Неизвестные пьяницы в пивных
Проклинают, поют, хрипят,
Склерозными раками, желчью пивной
Заканчивая день...
Торговец, расталкивая жену,
Окунается в душный пух,
Свой символ веры — ночной горшок
Задвигая под кровать...
Москва встречает десятый час
Перезваниванием проводов,
Свиданьями кошек за трубой,
Началом ночной возни...
И вот, надвинув кепи на лоб
И фотогеничный рот
Дырявым шарфом обмотав,
Идет на промысел вор...
И, ундервудов траурный марш
Покинув до утра,
Конфетные барышни спешат
Встречать героев кино.

Антенны подрагивают в ночи
От холода чуждых слов;
На циферблате десятый час
Отмечен косым углом...
Над столом вождя — телефон иссяк,
И зеленое сукно,
Как болото, всасывает в себя
Пресс-папье и карандаши...
И только мне десятый час
Ничего не приносит в дар:
Ни чая, пахнущего женой,
Ни пачки папирос;
И только мне в десятом часу
Не назначено нигде —
Во тьме подворотни, под фонарем —
Засыпать милый каблук...
А сон обволакивает лицо
Оренбургским густым платком;
А ночь насыпает в мои глаза
Голубиных созвездий пух;
И прямо из прорвы плывет, плывет
Витрин воспаленный строй:
Чудовищной пищей пылает ночь,
Стеклянной наледью блюд...
Там всходит огромная ветчина,
Пунцовская, как закат,
И перистым облаком влажный жир
Ее обволок вокруг.
Там яблок румяные кулаки
Вылезают вон из корзин;
Там ядра апельсинов полны
Взрывчатой кислотой.

Там рыб чешуйчатые мечи
Пылают: «Не заплати!
Мы голову — прочь, мы руки — долой!
И кинем голодным псам!..»
Там круглые торты стоят Москвой,
В кремлях леденцов и слив;
Там тысячу тысяч пирожков,
Румяных, как детский сад,
Осыпала сахарная пурга,
Истыкал цукатный дождь...
А в дверь ненароком: стоит атлет
Средь сине-багровых туш!
Погибшая кровь быков и телят
Цветет на его щеках...
Он вытянет руку — весы не в лад
Качнутся под тягой гирь,
И нож, разрезающий сала пласт,
Летит павлиньим пером,
И пылкие буквы
«МСПО»
Расцветают сами собой
Над этой оголтелой жратвой
(Рычи, желудочный сок!)...
И голод сжимает скулы мои,
И зудом поет в зубах,
И мыльною мышью по горлу вниз
Падает в пищевод...
И я содрогаюсь от скрипа когтей,
От мышьей возни — хвоста,
От медного запаха слюны,
Заливающего гортань...
И в мире остались — одни, одни,

Одни, как поход планет,
Ворота и обручи медных букв,
Начищенные огнем!
Четыре буквы:
«МСПО»,
Четыре куска огня:
Это —
Мир Страстей, Полыхай Огнем!
Это —
Музыка Сфер, Пари
Откровением новым!
Это — Мечта,
Сладострастье, Покой, Обман!
И на что мне язык, умевший слова
Ощущать, как плодовый сок?
И на что мне глаза, которым дано
Удивляться каждой звезде?
И на что мне божественный слух совы,
Разливающий крови звон?
И на что мне сердце, стучащее в лад
Шагам и стихам моим?!

Лишь поет нищета у моих дверей,
Лишь в печурке юлит огонь,
Лишь иссякла свеча — и луна плывет
В замерзающем стекле...

1926

СОДЕРЖАНИЕ

ЮГО-ЗАПАД

I	
Птицелов	7
Тиль Уленшпигель («Весенним утром кухонные двери...»)	10
Ночь («Уже окончился день — и ночь...»)	13
II	
Песня о рубашке (Томас Гуд)	17
Джон Ячменное Зерно (Р. Бернс)	20
Разбойник (В. Скотт)	23
III	
Арбуз	30
Контрабандисты	33
IV	
Осень («По жнитвам, по дачам, по берегам...»)	37
Бессонница	39
Весна	42
V	
Голуби	45
Дума про Опанаса	49
VI	
Стихи о соловье и поэте	66
378 «От черного хлеба и верной жены...»	69

Разговор с комсомольцем Н. Дементьевым	71
Трясина	
1. Ночь	77
2. День	80
Папироcный коробок	84

ПОБЕДИТЕЛИ

Происхождение.....	89
Суprinus Carpio	
Романс Карпу	92
Ода	93
Стансы	94
Эпос	95
Весна, ветеринар и я	97
Стихи о себе	
1. Дом	100
2. Читатель в моем представлении	101
3. Так будет	103
Встреча	105
Можайское шоссе (Автобус)	109
Вмешательство поэта	111
TBC	115
Веселые нищие (Р. Бернс)	120

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Последняя ночь	133
Человек предместья	142
Смерть пионерки	149
ФЕВРАЛЬ	156
	379

СТИХОТВОРЕНИЯ 1915–1934 ГОДОВ,
НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИКИ

Креолка	183
Конец Летучего Голландца	185
Рудокоп	187
Славяне	189
Враг	191
Суворов	193
Нарушение гармонии	196
Гимн Маяковскому	198
Дерибасовская ночью (Весна)	200
О любителе соловьев	202
Осень («Литавры лебедей замолкли вдалеке...»)	203
Полководец	205
«О Полдень, ты идешь в мучительной тоске...»	207
Осень («Я целый день шатаюсь по дорогам...»)	208
Осенняя ловля	211
Кошки	213
«Я сладко изнемог от тишины и снов...»	215
Баллада о нежной даме	216
Трактир	218
Рассыпанной цепью	231
Знаки	234
Чертовы куклы	236
Урожай	243
Александру Блоку	245
Москва	247
Театр	249
Ленинград	252
380 «Великий немой»	255

Сказание о море, матросах и Летучем Голландце . . .	257
1. Песня о море и небе	258
2. Песня о матросах	259
3. Песня о капитане	261
4. Песня о розе и судне	262
Тиль Уленшпигель. Монолог («Отец мой умер на костре...»)	266
Тиль Уленшпигель. Монолог («Я слишком слаб, чтобы латы боевые...»)	270
Моряки («Только ветер да звонкая пена...»)	273
Пушкин («Когда в крылатке, смуглый и кудлатый...»)	276
Одесса («Клыкастый месяц вылез на востоке...») . . .	278
Баллада о Виттингтоне	281
1 Мая	284
Песня о разлуке. Из английских морских песен	286
Саксонские ткачи (Песня)	289
Памятник Гарибальди	292
О Пушкине («...И Пушкин падает в голубоватый...»)	295
Скумбрия	297
Возвращение	299
Осень («Осень морская приносит нам...»)	301
Кинбурнская коса	303
У моря	305
Детство	307
Лето	310
Рыбаки («Восточные ветры, дожди и шквал...»)	313
Одесса («Над низкой водою пустые пески...»)	315
Стихи о поэте и романтике	317
Песня об Устине	320
Завоеватели дорог	325

381

Лена	328
Иная жизнь	331
Можайское шоссе («По этому шоссе на восток он шел...»)	333
Новые витязи	337
Исследователь	340
Всеволоду	344
Соболиный след	347
«Итак — бумаге терпеть невмочь...»	353
О чем они мечтали	358
Звезда мордвина	361
Разговор с сыном	367
<i>M. Кузмин. Эдуард Багрицкий</i>	370